

ствующей системы государственных и общественных органов, в полномочия которых входит защита неприкосновенности личности; наличие системы независимых судов, в том числе конституционных. Иными словами, институциональные гарантии неприкосновенности личности представляют собой деятельность государственных органов, должностных лиц и общественных организаций, которую они обязаны исполнять в целях обеспечения неприкосновенности личности.

Однако неприкосновенность личности возможна и без прямого вмешательства государственных органов, иных общественных учреждений. Вместе с тем охрану, защиту, восстановление права на неприкосновенность личности сложно представить без соответствующей активности государственных или общественных формирований. Субъектами осуществления юридических гарантий охраны и защиты неприкосновенности личности за редкими исключениями (например, реализация права на необходимую оборону самим гражданином) являются те государственные органы, на которые законодательством возложена обязанность охраны и защиты прав и свобод граждан.

Согласно Конституции Президент Республики Беларусь является гарантом прав и свобод человека и гражданина, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти в сфере осуществления конституционных прав и законных интересов личности (ст. 79), а Правительство Республики Беларусь принимает меры по обеспечению прав и свобод граждан (ст. 107).

Таким образом, обеспечение прав и законных интересов личности Президентом и Правительством Республики Беларусь предполагает проведение через систему органов государственной власти, органов местного управления и самоуправления, правоохранительных органов и других разносторонних по своему характеру, целям и содержанию мероприятий.

Можно также отметить, что институциональные гарантии как стороны механизма обеспечения личных конституционных прав и свобод (в том числе и права на неприкосновенность личности) обладают относительной самостоятельностью, обусловленной их зависимостью от всей системы социального управления. Однако эти же гарантии являются неотъемлемым элементом конституционно-правовых гарантий неприкосновенности личности, оставаясь и элементом вышеназванной системы.

Говоря о неприкосновенности личности, нельзя не сказать о ее характере межотраслевого принципа. Особенностью ее правовых гарантий, как нам представляется, является то, что они как в случае реализации и охраны неприкосновенности личности, так и в случае ее защиты и восстановления имеют преломление на иное отраслевое законодательство (административное, гражданское, уголовное, уголовно-процессуальное и др.). Это подтверждается прежде всего тем, что неприкосновенность личности стала важнейшим процессуальным принципом и отражена как гарантия в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (ст. 11 гарантирует защиту от задержания по подозрению в совершении преступления либо заключения под стражу, домашний арест в качестве меры пресечения, а также помещение в организацию здравоохранения для производства судебно-психиатрической или иной экспертизы при отсутствии на то законных оснований и в нарушении порядка, предусмотренного настоящим Кодексом), в Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (ст. 2.4 гарантирует защиту от задержания за совершение административного правонарушения при отсутствии на то законных оснований и в нарушение порядка, установленного настоящим Кодексом), так и Гражданском кодексе Республики Беларусь (ст. 151 гарантирует личную неприкосновенность, относит к личным неимущественным правам, за нарушение которых ст. 152 настоящего Кодекса гарантируется право гражданина требовать от нарушителя денежную компенсацию указанного вреда), что свидетельствует об общем (конституционном) и специальном (отраслевом) отражении права на неприкосновенность личности как принципа, имеющего межотраслевое значение.

Таким образом, конституционно-правовые гарантии принципа неприкосновенности личности представляют собой систему закрепленных на конституционном уровне правовых норм, регламентирующих неприкосновенность личности, средства и способы ее реализации, охраны, защиты и восстановления, а также полномочия в данной сфере государственных и общественных институтов.

УДК 340.12

И.И. Мазуров

ДЕЙСТВЕННОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Вопросы, связанные с целесообразностью, содержанием и пределами правового регулирования, являются одними из самых актуальных для юридической науки. Так, в любом научном отраслевом юридическом исследовании не только ставится определенная проблема, но и формулируются пути ее решения, предполагающие использование конкретных правовых средств и механизмов. Фокус внимания общеправовой теории сосредоточен на осмыслении явления и понятия правового регулирования, понятий механизма, форм, методов и средств правового регулирования, их признаков. Высокий уровень концептуализации правового регулирования сегодня позволяет утверждать о наличии в рамках общеправовой теории отдельной теории правового регулирования. Ряд практических и теоретических проблем в области правового регулирования еще требуют соответствующего анализа и разрешения, и в развитии данной теории «ставить точку» преждевременно.

Основными задачами общеправовой теории (как и любой науки) являются: выявление объективных закономерностей и специфики предмета исследования; формирование на основе полученных знаний соответствующих юридических конструкций, решений проблем, прогнозов, рекомендаций. Учетом названных задач в контексте тематики правового регулирования важно говорить о двух основных направлениях работы с ней: получении научных знаний о действительности правового регулирования и определении условий его действительности.

Эффективное, на первый взгляд, правовое регулирование, подкрепленное принудительной силой государства, функционирует как бы должным образом, обеспечивая реализацию установленных субъектом правового регулирования моделей

поведения. Однако такое регулирование может быть сопряжено с правовым воздействием, делегитимирующим как соответствующую правовую регуляционную политику и нормы права, так и государственную власть. Например, правовое регулирование, осуществленное во Франции в сфере социального обеспечения, привело к повышению пенсионного возраста и сокращению государственных социальных гарантий и одновременно обернулось массовыми демонстрациями и протестами граждан. Насколько действенно такое регулирование, вопрос риторический.

Утрата доверия не происходит мгновенно, это относительно длящийся и инертный процесс, который может ускоряться и замедляться. Вопрос о причинах и признаках делегитимации представляет отдельный научный интерес.

Таким образом, правовое регулирование не лишено своих недостатков, например, в виде сложно прогнозируемых аномалий права (или практически не прогнозируемых – для правового воздействия), отклонений всевозможного рода, вплоть до получения результата обратного запланированной цели, модели – несоблюдении норм права, отказа в подчинении правовым предписаниям, исполнении юридических обязанностей, совершении правонарушений.

Если правовое регулирование предназначено для регламентации деяний субъектов правоотношений, то правовое воздействие оказывает влияние на широкий спектр самых различных явлений правовой жизни, достигая глубин правосознания, затрагивая потребности и интересы, намерения и мотивы, ценности и идеи человека. Поэтому помимо правового регулирования все другие аспекты правового воздействия невозможно определить наверняка, и его некоторые аспекты могут не предполагаться субъектом правового регулирования. Если одна их часть не находит явной объективации в правовой практике, то другая проявляется в виде непредсказуемых (сложно прогнозируемых) случайностей. По этой причине следование в процессе правового регулирования старинному латинскому принципу «*gratum non poscitur*» особенно актуально.

Воздействие права переживается индивидом как внешняя по отношению к нему, объективная действительность, воспринимается им, отражаясь в правосознании, на основе которого только потом формируются соответствующие интересы, мотивы и цели, которые при посредстве воли объективируются в конкретном содержании правопритязаний.

Сущность регулирования вообще и правового регулирования в частности обусловлена волей субъекта, осуществляющего это регулирование. При этом правовое регулирование выражает и волю государства, и классовую волю.

Правопритязания выражают интересы социальных акторов, а социальные акторы могут воспроизводить интересы как собственного, так и другого класса, то следует говорить о том, что правопритязания могут выражать классовый интерес.

Классовые интересы связаны прежде всего с обеспечением наиболее важных социально-экономических потребностей, решением вопросов правообладания средствами производства, распределения материальных благ и ряда других, когерентных им вопросов. Именно классовые интересы являются антагонистичными. Следовательно, вопрос о реализации правопритязаний стоит наиболее остро в тех случаях, когда эти правопритязания выражают классовые интересы. В связи с чем, например, представляется совершенно неслучайной достаточно высокая вероятность признания трудовой забастовки как противоправного притязания. И именно поэтому социальным акторам для изъяснения своих правопритязаний в форме трудовой забастовки требуется преодолеть высокий порог легализации своих деяний.

Таким образом, действенность правового регулирования, его эффективность и универсальность обеспечиваются с учетом ряда социально-антропологических факторов. Одним из наиболее важных среди них является фактор легитимности правового регулирования, а поддержка субъектов нормотворчества и всей нормативной системы социальными акторами, обеспечение легитимности государственной власти и правовой системы предполагает прежде всего учет правопритязаний соответствующих социальных акторов в праворегуляционной деятельности.

УДК 351.742

А.И. Мурашко

РЕФОРМИРОВАНИЕ КОРПУСА ЖАНДАРМОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 60-х гг. XIX в.

Существенные изменения в экономической, социальной и политической сферах второй половины XIX в., активизация террористической деятельности, оппозиционного и национально-освободительных движений вынуждали руководство Российской империи принимать адекватные меры реагирования на новые вызовы и угрозы государственной безопасности. Одной из таких мер являлось реформирование в 60-х гг. Корпуса жандармов. Инициатором данных преобразований выступил назначенный после покушения на императора Александра II в апреле 1866 г. шеф жандармов и Главный начальник III отделения С.Е.И.В. канцелярии генерал-лейтенант граф П.А. Шувалов.

Корпус жандармов, созданный в 1826 г., являлся исполнительным органом III отделения С.Е.И.В. канцелярии. Жандармские чины осуществляли надзор за местным государственным аппаратом и сословными органами, докладывали в III отделение о настроениях различных слоев общества. На них также возлагались обязанности по приведению в исполнение приговоров суда, поимке беглых рекрутов, преследованию преступников, контрабандистов, рассеиванию запрещенных собраний, восстановлению нарушенного общественного порядка, препровождению особо важных преступников и арестантов, обеспечению правопорядка на объектах железнодорожного транспорта.

В 1866 г. Корпус жандармов формально состоял из Управления (штаба корпуса), восьми жандармских округов, жандармских воинских частей и шести жандармских полицейских управлений железных дорог (далее – ЖПУ ж. д.).

Шесть жандармских округов непосредственно подчинялись шефу жандармов, два (Варшавский и Кавказский) – наместникам императора в Царстве Польском и на Кавказе.

В каждом жандармском округе были конные жандармские команды (всего 70 команд), в Петербурге, Москве и Варшаве – жандармские дивизионы, в Виленском округе – уездные жандармские управления.